
СЛОВО РЕДАКТОРОВ

О. В. Рябов, А. де Лазари**МЕДВЕДЬ И РОССИЯ: ПРЕДИСЛОВИЕ**

Когда в конце 2007 года мы заканчивали проект о взаимных предубеждениях поляков и русских книгой о том, как эти предубеждения отразились в карикатуре двух стран [1; 6], на горизонте появился кандидат в президенты Российской Федерации с «медвежьей фамилией». В нашей книге «русский медведь» встречается многократно, и мы предположили, что теперь, по всей вероятности, этот образ станет основным в репрезентациях России. Мы решили проверить это предположение, при этом исследовав, какую роль образ России—медведя выполнял в европейских культурах (в том числе в русской и советской), когда он в них появляется, и почему так случилось, что «Russian bear» стал частью массовой культуры Запада.

Мы собрали международный коллектив ученых для проекта «'Русский медведь': История, семиотика, политика», в рамках которого были проведены конференции в Ивановском государственном и Лодзинском университетах. По их результатам в московском издательстве «Новое литературное обозрение» была издана коллективная монография [3]¹, в которой авторский коллектив попробовал ответить на ряд существенных вопросов: „Насколько глубоко в историю уходит корнями медвежья метафора России? Какими значениями «русский медведь» наделяется в русской культуре, в культурах народов России, на Западе? Какое воздействие его использование оказывает на репрезентации России и на процессы международной безопасности? Как данный образ включается в политики идентичности современной России? В какой степени «русский медведь» является частью «мифосимволического комплекса» русской культуры, а в какой представляет собой случай «изобретения традиций»?» [3, с. 5 – 6].

Удалось ли нам это сделать, решат читатели. Мы работу продолжаем и предлагаем здесь вашему вниманию еще один сборник из нашей «берлоги». Издаваемый как специальный выпуск журнала «Лабиринт», он включает в себя работы пятнадцати ученых, которые представляют образовательные и исследовательские учреждения Германии, Латвии, Польши, России, Соединенных Штатов Америки и Чехии. Его открывает статья *Юлии Кошкарковой*, посвященная пермской модели образа медведя. Автор показывает, что почитание медведя — важный элемент культуры и этнических традиций пермских финнов. В статье анализируются

¹ Книга была награждена дипломом Российской ассоциации политической науки в номинации «Коллективные монографии» в 2012 году.

различные ипостаси пермской модели образа медведя, в числе которых такие, как тотемный предок, потомок небесного отца и представителя нижнего мира, человек, брачный партнер, хозяин леса, культурный герой и др. Работа наглядно демонстрирует, какой значительной была роль медвежьего символа на ранних этапах истории народов, населяющих территорию России.

Медведь как символ России, однако, — это, прежде всего, западное «изобретение». Западному взгляду на Россию сквозь призму медвежьей метафоры посвящены несколько текстов. *Андрей Россомахин, Василий Успенский и Денис Хрусталёв*, готовящие двухтомник «Россия глазами Запада: 100 лет русской истории в отражении английской сатирической гравюры (1730 – 1830-е гг.)» [2], представили своеобразную зарисовку своего проекта и озаглавили ее «Его Величество Медведь. 400-летию дома Романовых посвящается». Авторы обращают внимание на то, что все правители России в западной карикатуре изображались в медвежьем облики. В статье подробно рассмотрены четыре английские сатирические гравюры, представляющие Екатерину II, Павла I, Александра I и Николая I в образе «Russian bear».

Гундега Гайлите в статье «Медведь и Латвия: Образы латышско-русских отношений в карикатуре» анализирует, как на протяжении последних ста лет образ «русского медведя» используется при репрезентациях межгосударственных отношений, а также межэтнических отношений в латвийском обществе. Исследовательница высказывает мысль о том, что специфика образа «русского медведя» в той или иной культуре зависит от того, какими значениями эта культура наделяет медведя как такового.

Ингрид Худабьюнигг анализирует, как германские медиа в нынешнем столетии используют медвежью метафору для описания России и ее представителей. Статья представляет особый интерес потому, что является продолжением работы автора 2000 года, которая стала, по всей вероятности, первым исследованием, посвященным образу «русского медведя» [4]. Исследовательница отмечает и сохранение прежних тенденций, и появление новых.

Образ России как медведя в западноевропейском дискурсе Первой мировой войны рассматривается в статье *Анджея де Лазари, Олега Рябова и Магдалены Жаковской*, представляющей собой главу из их книги «Европа и Медведь. Образ России-медведя в европейских культурах», которую в ближайшее время издает на польском языке Центр польско-русского диалога и согласия [5]. Авторы показывают, что многозначность медвежьего символа позволяла как союзникам России, так и ее противникам широко использовать данный образ в военной пропаганде.

Роли исследуемого образа в дискурсе Великой войны посвящена и статья *Дмитрия Цыкалова*, но здесь показана его эксплуатация пропагандой России. Автор, основываясь на

материалах таких изданий, как петроградские «Новое время» и «Биржевые ведомости», делает вывод о том, что, в отличие от военных кампаний XIX века, в данный период отечественная карикатура привлекает для репрезентаций России образ медведя, наделяя его позитивными значениями.

Несколько работ посвящено образу медведя в советской культуре. *Роберт Берд* в статье «*Ursus Sovieticus*» показывает, что, вопреки распространенному мнению, медведь не использовался в СССР в качестве коллективного символа. Анализ «Краденое солнце» Корнея Чуковского позволяет автору заключить, что медведь в советской культуре был призван сделать видимой новую человечность.

Урсула Штолер анализирует образ медведя в «Повести о настоящем человеке» Бориса Полевого. Показывая параллели с рассказом Джека Лондона «Любовь к жизни», она обращает внимание на отличия: если у американского писателя главный герой должен бороться с волком, то в советской повести — с медведем. Автор делает вывод о том, что медведь был призван символизировать природу, которую, с одной стороны, призван покорить новый советский человек, с другой, разрушает иностранная агрессия в ходе Второй мировой войны.

Михаил Тимофеев в эссе «“Красный” медведь из страны большевиков» описывает визуальные образы, связанные с репрезентацией медведя на Западе и в СССР. В первом случае это страшные и жестокие животные, представленные в карикатурах, комиксах, произведениях соц—арта; образы же медведей, а, точнее, медвежат, созданные в Советском Союзе, миролюбивые и дружелюбные. Автор показывает, что постсоветское видение медведя включает его и в России, и за рубежом в число персонажей масс-культы.

Сборник завершает раздел, посвященный образу медведя в современной России. *Лидия Кузнецова* прослеживает трансформацию образа медведя-оборотня в российском кинематографе от советских картин до современных фильмов. Исследовательница показывает семиотический статус данного образа: медведь как человеческий двойник, как воплощение всего нечеловеческого, как маркер границы между природным и социальным.

Мария Ворошилова анализирует, как в политической карикатуре образ Винни-пуха используется для характеристики «Единой России» и Дмитрия Медведева. Автор объясняет популярность данного образа и его богатой «прецедентной базой», и высокой востребованностью медвежьего символа в сегодняшней политической коммуникации.

Приходится констатировать, что образ «русского медведя» вечно живой как в мировой, так и в российской политической и художественной действительности, и что работе невооруженных медвежатников конца не видно...

Список литературы и источников

1. Лазари А. де, Рябов О.В. Русские и поляки глазами друг друга: Сатирическая графика. — Иваново: ИвГУ, 2007. — 170 с.
2. Россомахин А.А., Успенский В.М., Хрусталёв Д.Г. Россия глазами Запада: 100 лет русской истории в отражении английской сатирической гравюры (1730–1830-е гг.) (готовится к изданию).
3. «Русский медведь»: история, семиотика, политика / под ред. О. В. Рябова и А. де Лазари. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — 368 с.
4. Hudabiunigg I. Der «Russische Bär» — redivivus? // E. Reichmann (ed.) Narrative Konstruktion nationaler Identität. — St. Ingbert: Röhrig, 2000. — S. 251 – 281.
5. Lazari A. de, Riabow O., Żakowska M. Europa i Niedzwiedz (Wizerunek Rosji-niedzwiedzia w kulturach europejskich). — Warszawa: Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia, 2013 (в печати)
6. Lazari A. de, Riabow O. Polacy i Rosjanie we wzajemnej karykaturze. — Warszawa: PISM, 2008. — 153 s.